

XV 11a
20

1908 г. 12

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

годъ XL.

Еженедельное

января 12-го 1908 г.

изданіе.

№ 2.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.
Съ доставкой и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.
Отдѣльные №№ по 10 коп.
Продаются во всѣхъ кіоскахъ города Москвы.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер. Епархіальный домъ, редакція „Моск. Церк. Вѣдомостей“.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза 70 коп., на годъ—по особому условію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

И

„БЛАГОВѢСТЬ“

на 1908 годъ

НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Въ случаѣ неисправной доставки №№ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей и Московскаго Благовѣста, Редакція проситъ немедленно уведомлять ее, такъ какъ она не имѣетъ возможности провѣрять жалобы на неисправную доставку, поступающія въ Редакцію по истеченіи, иногда, значительнаго срока. При этомъ для повѣрки Редакціи необходимо печатный адресъ, который Редакція и проситъ прилагать при заявленіяхъ.

Нѣкоторые оо. благочинные обращаются въ Редакцію Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей съ запросомъ: можно ли выписывать по почтѣ листки Московскаго Благовѣста на каждую недѣлю по 25, 30, 40, 50 экземпляровъ на одно лицо и на какихъ условіяхъ? Силью доводится до свѣдѣнія, что условія доставки Благовѣста одинаковы, какъ для выписывающихъ сотнями экземпляровъ одного №-ра, такъ и разныхъ. Принимается во вниманіе общее количество Благовѣста.

Отъ Совѣта Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Совѣтъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, въ силу резолюціи Его Высокопреосвященства, симъ покорнѣйше просить членовъ Совѣта Отдѣла публичныхъ Богословскихъ чтеній и лицъ, участвовавшихъ въ чтеніяхъ, пожаловать въ собраніе Совѣта Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, имѣющее быть въ Маломъ залѣ Епарх. Дома въ пятницу, 18 января, въ 7 ч. вечера.

Собраніе законоучителей школъ Китайскаго и Ивановскаго сороковъ имѣеть быть 17 января 1908 г. въ Александровско-Басманномъ женскомъ городскомъ начальномъ училищѣ (Земляной валь, д. Сапожниковыхъ). Опытный урокъ будетъ данъ о. Доброправовымъ ученикамъ 3-го отдѣленія. Начало урока въ 5½ часовъ вечера.

Для опытныхъ уроковъ собранія законоучителей, имѣющихъ уроки по Закону Божію въ школахъ, находящихся въ районѣ Срѣтенскаго, Пречистенскаго и Никитскаго сороковъ, а равно и Законоучителей, приписавшихся къ этому району, хотя и имѣющихъ уроки въ школахъ въ другихъ сорокахъ, будутъ происходить въ Бахрушинскомъ городскомъ начальномъ училищѣ (Смоленскій бульваръ) въ слѣдующіе дни:

16 января опытный урокъ будетъ давать для учениковъ средняго отдѣленія священникъ Василій Ивановичъ Воздвиженскій.

28 января—для учениковъ старшаго отдѣленія священникъ Михаилъ Ильичъ Вѣляевъ.

15 февраля—для учениковъ младшаго отдѣленія о. діаконовъ Николай Алексѣевичъ Розановъ.

10 марта—для учениковъ средняго отдѣленія священникъ Сергій Николаевичъ Фелицынъ.

26 марта—для учениковъ старшаго отдѣленія о. діаконовъ Владиміръ Сергѣевичъ Владиславлевъ.

Начало урока въ 6 ч. веч.

Къ свѣдѣнію оо. законоучителей городскихъ начальныхъ училищъ, находящихся въ районѣ Замоскворѣцкаго сорока. Въ Александро-Маріинскомъ училищѣ (Ордынка, собств. домъ) опытные уроки назначены въ слѣдующіе дни:

15 января для учениковъ средняго отдѣленія.

31 " " " " старшаго "

12 февраля " " младшаго "

4 марта " " средняго "

18 " " " " старшаго "

Начало уроковъ въ 6 часовъ вечера.

Соціалъ-демократія и нравственность.

(Продолженіе. См. № 1).

Извѣстное ученіе софистовъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, не безъ основанія оспариваемое величайшими и мудрѣйшими мужами Греціи — ученіе, которое породило въ своей послѣдовательности мерзость демагогій, пошлость гражданскаго сознанія, а въ концѣ концовъ и гибель Аѳинъ, усыновляется соціалъ-демократіею и выставляется, какъ самое высшее осново-положеніе для всеобщей этики, даже для уясненія исторіи развитія человѣчества и для сужденія и оцѣнки всѣхъ наличныхъ взаимоотношеній. У нея нѣтъ никакого объективнаго понятія о нравственности, равно какъ и о правѣ, никакого твердаго независимаго мнѣнія человѣка, навсегда освященнаго высшимъ авторитетомъ, опредѣленія того, что хорошо и что худо, никакого неизмѣннаго масштаба для сужденія о человѣческихъ свойствахъ и поступкахъ, никакой неизмѣнной цѣли, къ которой должно направляться въ своемъ развитіи человѣчество, никакого высшаго идеала, безъ котораго благонастроенный человѣкъ не можетъ обойтись, которымъ онъ воодушевляется и къ которому стремится всѣми своими силами. Послушаемъ, что говоритъ о нравственности Бебель, по примѣру своихъ учителей Маркса и Энгельса. Въ его книгѣ „Женщина“ мы читаемъ: „такъ какъ каждая ступень соціальнаго развитія человѣчества имѣетъ свои особыя условія продукціи, то каждая ступень имѣетъ также и свой моральный кодексъ, который есть только зеркало соціальнаго состоянія. Нравственно то, что есть „нравъ“ обычай, и обычай, въ свою очередь, есть то, что отвѣчаетъ внутреннему существу, т.-е. потребностямъ извѣстнаго времени“. Далѣе онъ говоритъ: „какова религія, таковы бываютъ и понятія о морали человѣка въ его соціальномъ отношеніи. Ганнибалъ, на примѣръ, смотритъ на людоедство, какъ на нравственное дѣло. Какъ на нравственное явленіе смотрятъ греки и римляне на рабство, феодальный владѣлецъ

среднихъ вѣковъ—на крѣпостное состояніе, а новѣйшимъ капиталистамъ кажется высоконравственнымъ дѣломъ состояніе платныхъ работниковъ, мученіе женщинъ чрезъ ночную работу, деморализація дѣтей чрезъ работу на фабрикахъ!!!

По этимъ положеніямъ Бебеля, слѣдовательно, чело-вѣчество всегда должно быть довольно собою и своимъ нравственнымъ состояніемъ, ибо какимъ оно было, то оно было настолько нравственнымъ, насколько ему возможно быть хорошимъ въ данный моментъ, а стать выше себя самого ни одинъ человѣкъ не можетъ. Это воззрѣніе, какъ показываетъ исторія, совершенно невѣрно. Даже тѣ народы, которые стоятъ на очень низкой ступени религіознаго сознанія, знаютъ о проступкахъ противъ божества, объ образѣ жизни и поведеніи, которые не соотвѣтствуютъ волѣ Божіей, о преступленіяхъ противъ самой высшей заповѣди, за которыя признаютъ необходимымъ умо-стивленіе Бога посредствомъ принесенія Ему жертвъ. Понятіе вины или, по нашему, грѣха, было и есть у всего чело-вѣчества такъ же, какъ и у греческаго и римскаго народа; оно обнаруживается въ ихъ богослуженіяхъ, очищеніяхъ, мистеріяхъ, оно съ особенною ясностію выступаетъ въ произведеніяхъ ихъ поэтовъ, въ ихъ величественныхъ драмахъ. Что тамъ подсказывалъ чело-вѣку внутренній голосъ, чувство это сдѣлалось въ монотеизмъ опредѣленнымъ понятіемъ. Еще за тысячи лѣтъ назадъ іудеи получили въ десяти заповѣдяхъ неизмѣняемый, вѣчно пригодный нравственный законъ, превосходящій нравственное состояніе этого народа и нравственныя воззрѣнія всего тогдашняго чело-вѣчества. Это суть такія возвышенныя осново-положенія и нормы обще-чело-вѣческой жизни, которыя во время ихъ обнародованія не могли быть заимствованы ни изъ соціальныхъ условій египтянъ, ни изъ жизни іудеевъ, ни изъ практики какого-нибудь другого народа. Христіанство принесло намъ самый высшій идеаль чело-вѣческой нравственности, какой только вообще возможенъ; этотъ самый высокій и самый чистый образецъ нравственнаго совершенства, по его ученію, сдѣлался даже плотью и кровію и жилъ между нами съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ возвысить все чело-вѣче-

ство до себя, до своей нравственной высоты своимъ нравственнымъ явленіемъ, силою исходящихъ отъ него идей. Высота и поразительное превосходство надъ всѣмъ другимъ этого взгляда на нравственность настолько неоспоримо, что и самъ Бебель, когда онъ однажды искалъ высшее осново-положеніе морали, то вынужденъ былъ отыскивать его у христіанства.

Теперь, чтобы установить различіе между тѣмъ, что должно быть и что есть между нравственнымъ, моральнымъ кодексомъ и внутреннею потребностію, также между дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго человѣчества, какъ іудеи, такъ и христіане указывали и называли эту разницу, эти недочеты, этотъ нравственный недостатокъ грѣховъ—понятіе, которое въ социаль-демократіи, совершенно утрачено. Социаль-демократія ничего также не знаетъ о возможности устранить эту разницу, облегчить господство духа надъ чувственной природою. Бебель, неробѣя и не стыдясь, выражаетъ воззрѣнія социаль-демократіи, что каждая страсть въ человѣкѣ необходимо должна быть удовлетворяема.

Страннымъ исключеніемъ представляется то, что она позволяетъ себѣ: какъ превосходно умѣютъ морализировать социаль-демократическіе писатели, прилагать уничтоженный и забракованный нравственный масштабъ къ прежнему и теперешнему состоянію капиталистическаго общества. Брезгливый моралистъ — человѣко-ненавистникъ и самый педантичный школьный учитель не могъ строже осудить, громче заявить, болѣе раздражаться на такое нравственное состояніе, которое, однако, по социаль-демократическому и матеріалистическому воззрѣнію, должно быть совершенно необходимымъ, которое не могло быть инымъ, чѣмъ каково оно было. Если стать на такую точку зрѣнія, то нѣтъ ничего проще, какъ ругаться на другихъ за то, что они не таковы, какими должны быть. Къ чему это, вынесенное на позоръ, раздраженіе противъ буржуазіи, если она просто такова, какою она и необходимо должна быть, если она руководится единственно для нея возможной нравственностію?

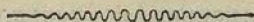
Мы понимаемъ эту непослѣдовательность только тогда, когда мы видимъ, какъ изъ-за этого искусственнаго

нравственнаго раздраженія выглядываетъ желчная зависть. Не жизнь этой буржуазіи досадна и противна, нѣтъ, но то обстоятельство, что мы, т.-е. пролетаріи, не имѣемъ права въ ней участвовать. Для доказательства этого Бебель заговариваетъ, напริมѣръ, о любезностяхъ Гете и французской писательницы Зандъ и продолжаетъ затѣмъ такъ; „Мы согласны, конечно, что эту *свободу выдора любви* въ гражданскомъ мірѣ невозможно привести къ осуществленію, но все общество, поставленное въ *подобныя соціальныя условія*, въ какихъ находятся только отдѣльные обезпеченные и духовно выдѣляющіеся избранники, получить *подобныя права и свободу для всѣхъ!*“

Однако я долженъ заявить господину Бебелю удовольствіе по поводу того, что онъ, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ похвальною непоследовательностію показалъ ясную цѣль нравственнаго развитія. Онъ пишетъ: „Высшее нравственное состояніе несомнѣнно то, при которомъ люди, являются свободными и равными, при такомъ нравственномъ осново-положеніи: „Чего не желаешь себѣ отъ другихъ, того и самъ не дѣлай другимъ,“—положеніе, которое нерушимо должно проникать все общество и все чело-вѣческія отношенія“. Этотъ стихекъ сочинилъ одинъ христіанскій Мужъ уже довольно давно, гораздо ранѣе Бебеля; это основное положеніе существуетъ на свѣтѣ — Бебель почему то не говоритъ этого—уже около 1900 лѣтъ; оно въ свое время было высказано столь презрѣннымъ ненавидимымъ христіанствомъ, ибо это выраженіе, если перенести его въ положительной фѣрмѣ означаетъ: „люби ближняго твоего, какъ себя самого!“ Но что это основоположеніе не есть Бебелевское, объ этомъ я сказалъ уже ранѣе, когда я указалъ на его клевету. Что это основоположеніе не есть произведеніе и всей соціаль-демократіи, это вытекаетъ изъ ея ясно высказаннаго намѣренія отнять у владѣющихъ имуществомъ ихъ собственность и устранять, сметать съ пути всякаго, кто противодѣйствуетъ введенію этого новаго общественнаго порядка. Нравственный кодексъ такого направленія, кажется, прежде вышелъ въ такой вариации: дѣлай другому то, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ. И что тѣ чувства ненависти и отвращенія къ другимъ, какія внушаютъ своимъ слу-

шателямъ социаль-демократическіе подстрекатели, не могутъ привести къ любви къ ближнимъ,—это такъ же хорошо извѣстно, какъ и другое прекрасное изреченіе: нѣтъ человѣческой любви тамъ, гдѣ одинъ еще съѣдаетъ другого!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Религіозные вопросы и темы въ произведеніяхъ Леонида Андреева¹⁾.

Въ ночь на 8-е марта 1898 года въ Курскѣ, въ соборѣ Знаменскаго монастыря былъ произведенъ, посредствомъ адекой машины, взрывъ съ цѣлью уничтожить находящуюся тамъ чудотворную икону Знаменской Божіей Матери. Взрывчатый снарядъ былъ положенъ прямо подъ икону, но икона осталась совершенно невредима, хотя силою взрыва была разрушена почти вся внутренность собора.—Въ мартѣ 1906 года нѣкимъ странникомъ Дмитрюшкинымъ, психологія котораго, при допросѣ оказалась сходною съ психологіей Саввы, было произведено нападеніе на о. Іоанна Кронштадскаго во время причащенія имъ народа²⁾. Имѣлъ ли нашъ авторъ, при написаніи своей піесы, въ виду какой-либо изъ этихъ фактовъ, трудно сказать; но если онъ имѣлъ въ виду курскій взрывъ—выносъ иконы монахами изъ церкви на время взрыва, онъ уже присочинилъ отъ себя, чтобы дискредитировать чудо. Но во всякомъ случаѣ, имѣлъ ли авторъ въ виду какой-либо изъ вышеупомянутыхъ фактовъ или написалъ свою піесу независимо отъ нихъ,—піеса представляетъ собою борьбу христіанства съ надвигающимся на него богоборческимъ анархизмомъ. Пока побѣда или—лучше сказать—виѣшняя побѣда—на сторонѣ перваго, но мысль піесы, повидимому, та, что это только—пока... Піеса проникнута нипшеанствомъ, и симпатіи автора не на сторонѣ христіанства. Это ясно видно уже изъ того, въ какомъ видѣ выведено въ піесѣ христіанство съ его учреждениями и въ его представителяхъ. Въ самомъ неприглядномъ видѣ представлено монашество.—„Вмѣсто радости и успокоенія, узналъ я въ

¹⁾ Продолженіе. См. 1 № „Моск. Епарх. Вѣд.“.

²⁾ Можно также видѣть въ „Саввѣ“ сходство съ „Потонувшимъ колоколомъ“ Гаушмана.

монастырѣ самую настоящую скорбь—говорить Саввѣ Кондратій.— У насъ Бога нѣтъ, у насъ діаволь. У насъ страшно жить... Нѣтъ у насъ тишины, а этакій безпокойный шумъ. Снаружи ночью посмѣтрѣть—покой, а внутри стонъ и скрежетъ зубовой, какіе хрипятъ, какіе стонуть, какіе—такъ непонятно на что жалуются: идешь мимо дверей, а за каждою дверью словно душа живая со свѣтомъ прощается... И Богъ у насъ силы не имѣетъ. Конечно, есть у насъ и мощи и икона чудотворная, но только все это, извините, дѣйствія не оказываетъ"... Игумень вмѣсто стараго гроба угодника, изгрызеннаго богомольцами, ставитъ новый, такой же.—„И этотъ изгрызутъ дураки. Имъ что ни поставъ“—презрительно замѣчаетъ по поводу этого Егоръ Тропининъ. Къ такому же роду обманъ невѣжественныхъ богомольцевъ, видимо, относитъ авторъ и сочиненный имъ выносъ иконы монахами изъ церкви на время взрыва. Монахи въ отзывѣхъ о нихъ Царя Ирода представлены въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Для противоположности имъ выведенъ жизнерадостный, живущій одною жизнью съ природою, послушникъ Вася. Что за христіане остальные дѣйствующія лица шессы, мы уже видѣли. Не высокаго качества и ихъ религіозныя представленія. По представленію, напр., Пелагеи, ея блаженство въ царствіи небесномъ, куда она, по ея убѣжденію, непременно попадетъ, будетъ состоять въ томъ, что она будетъ тамъ сидѣть барыней, тогда какъ Липа будетъ тамъ помы мыть. Липа, въ сценѣ убійства толпою Саввы, относится къ этому убійству какъ-то совершенно равнодушно, (а раньше даже грозитъ убить Савву и изступленно называетъ его при возбужденной толпѣ антихристомъ) и только молится въ это время на колѣнахъ. Но хуже всего изображены богомольцы, звѣрски убивающіе Савву почти въ виду крестнаго хода съ иконою, причемъ первый ударъ наноситъ Саввѣ Царь Иродъ, а Кондратій закрепощиваетъ избиваемаго съ словами: „Господи Іисусе Христе!“ И почти на трупъ Саввы валитъ съ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“, идущая въ крестномъ ходу толпа, заполняя все. Раскрытые рты, округлившіеся, расширенные глаза. Пронзительно кричатъ кликуши, порченныя, бѣсноватыя. Мгновенный крикъ: „задавили“. Замирающій откуда-то смѣхъ Тюхи (который неудержимо хохочетъ — наконецъ — надъ трупомъ брата). Побѣдное пѣніе растетъ, ширится, переходитъ въ *дикій ревъ*, покрывая собою все...“ Кажется, трудно выставить въ худшемъ видѣ религіозное одушевленіе богомольцевъ. Нужно ли говорить, сколько односторонности, предвзятости и тенденціозности въ этомъ изо-

браженіи христіанскихъ учрежденій, каково монашество, и самихъ представителей христіанства.

Зато представителя современнаго богоборческаго анархизма, Савву, авторъ старается изобразить какъ можно болѣе величественнѣе и рельефнѣе. Но, несмотря на все эти усилія, Савва производитъ впечатлѣніе почти комическое, впечатлѣніе почти карикатурнаго типа. Слишкомъ ужъ мелокъ и несерьезенъ онъ, для задуманнаго имъ дѣла и для своихъ грандіозныхъ замысловъ. Онъ никакъ не можетъ удержать въ секретѣ задуманнаго имъ дѣла и почти пробалтывается о немъ сестрѣ, причѣмъ рисуется и хвалится неимовѣрно. И все это какимъ-то дурачливымъ тономъ, съ прибаутками и ломаньемъ. Ну, развѣ такъ поступаютъ сколько-нибудь серьезные люди? Изъ всей мочи старается онъ изобразить изъ своей особы какого-то сверхчеловѣка, человѣкобога и то съ напускнымъ презрѣніемъ, то съ какою-то чисто мальчишескою хвастливостью, рисуется предъ малообразованною сестрою и совершенно невѣжественнымъ пьяницею—послушникомъ, своимъ антихристіанствомъ и невѣріемъ. Если покушеніе не удастся, значить, „мировая ошибка“ произошла. На вопросъ Липы, любилъ ли онъ кого-нибудь, Савва хвастливо отвѣчаетъ: „любилъ какъ будто одну, да она не выдержала... моей любви, меня что ли“... Иногда рѣчи Саввы прямо безсмысленны. „Я еще не видѣлъ ни одной пары родителей (это уже говорится Кондратию), которые не были бы достойны смертной казни: во-первыхъ—что родили, а во-вторыхъ—что родивши, тотчасъ не умерли сами... И какъ они лгутъ, какъ они лгутъ, монахъ... Первое время, когда я читалъ ихъ газеты, я смѣялся и думалъ, что это нарочно, что это издается въ какомъ-нибудь сумасшедшемъ домѣ, для сумасшедшихъ“... Вотъ до чего доводитъ желаніе быть оригинальнымъ во что бы то ни стало.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Даже безчувственно пьянаго Тюху не оставляетъ въ покоѣ Савва.

Сколько во всехъ этихъ рѣчахъ чисто мальчишескаго самохвальства, напускной серьезности и презрѣнія въ перемежку съ балагурствомъ; какъ все это неестественно, напыщенно и зачастую безсмысленно.

Въ промежутокъ между своимъ возвращеніемъ домой изъ таинственнаго отсутствія и приведеніемъ въ исполненіе своего замысла, Савва играетъ съ мальчишками въ бабки, строитъ

рожи отцу и вообще ведет себя совершенно по мальчишески.— При всей своей кровожадности, онъ трусить самъ привести въ исполненіе свой замыселъ и употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы склонить на это Кондратія. Онъ, то преисполненъ самоувѣренности („я вѣрю въ свою судьбу“, „я еще поживу“), то впадаетъ въ уныніе и „видитъ свое одиночество и близкую смерть“.— Не обходится въ піесѣ и безъ обычнаго Андреевскаго символизма.

Впечатлѣніе ненормальнаго человѣка производитъ и другой симпатичный самому автору, герой его піесы—послушникъ Вася, который недоволенъ даже чудомъ (хотя въ него и вѣрить), такъ какъ оно препятствуетъ ему идти въ лѣсъ.

Анархическіе замыслы и теоріи Саввы столь же нелѣпы, сколько и чудовищны. Савва, положимъ, и самъ плохо разумѣетъ, что говорить, и просто повторяетъ чужія слова. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы уничтожить все, рѣшительно все, что окружаетъ человѣка—все вещи, жилища и т. п., *„чтобы голый человѣкъ остался на голой землѣ“*... И свободные отъ всего, голые, вооруженные только разумомъ своимъ, они сговорятся и устроятъ новую жизнь, хорошую жизнь, гдѣ можно будетъ дышать человѣку“... Но развѣ это возможно? Для этого нужно прежде всего уничтожить самого человѣка, такъ какъ безъ жилища и безъ обстановки человѣкъ не можетъ существовать ни одной минуты. Разомъ всего уничтожить невозможно, а уничтожаемое по частямъ будетъ немедленно возстановляться по старому образцу. Это хорошо понимаютъ и Кондратій и Лица и, каждый по своему, возражаютъ Саввѣ.—„Позвольте вамъ сказать, Савва Егоровичъ—возражаетъ пьяница Кондратій—народъ онъ хитрый, припрячетъ что-нибудь или какъ. А потомъ, глядь, на старое и повернули, по старому, значить, какъ было. Тогда какъ?.. И кабаки построятъ. Безъ кабаковъ не обойдутся“... Лица возражаетъ горячо и страстно и не столько съ логической, сколько съ нравственной точки зрѣнія. Указывая Саввѣ на идущихъ въ монастырь богомольцевъ, она говоритъ ему. „Кто идетъ, ты подумай. Вѣдь это горе человѣческое идетъ, а ты хотѣлъ отнять у него послѣднее, послѣднюю надежду, послѣднее утѣшеніе... И зачѣмъ, во имя чего? Во имя какой-то дикой, страшной мечты о „голой землѣ“... Нѣтъ ничего, все нужно уничтожить. Все. Надъ чѣмъ люди работали столько лѣтъ, что они создали съ такимъ трудомъ, съ такою болью... Кто любитъ людей, тотъ не станетъ отнимать у нихъ все, тотъ не поставитъ свое желаніе выше ихъ жизни. Уничтожить все! Уничто-

жить Голгоѳу! Ты подумай: (съ ужасомъ) уничтожить Голгоѳу! Самое свѣтлое, что было на землѣ!.. Земля не отдастъ тебѣ своего Бога, люди не отдадутъ тебѣ, чѣмъ они живутъ и дышатъ¹⁾. Послѣ чуда она смотритъ на Савву уже съ жалостью и умоляетъ его уйти, пока народъ не убилъ его.

Какъ ни старается, далѣе, нашъ авторъ дискредитировать совершившееся въ монастырѣ, однако оно, помимо его воли, производитъ совершенно обратное впечатлѣніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, почему бы и не посмотреть на это какъ на чудо? Важно то, что Господь не допустилъ совершиться страшному дѣлу и сохранить невредимую свою икону; остальное не важно.

Съ другой стороны, какъ ни старается авторъ возвеличить Савву, который у него „окованъ громадною думою о жизни“ и, какъ Мефистофель, появляется внезапно неизвѣстно откуда, чтобы туда же и исчезнуть,—для кого же не очевидно, что это лишь одинъ изъ горьковскихъ босяковъ, нежелавшій болѣе крупнаго ампула и рѣшившій выступить въ эффектной роли сверхчеловѣка и антихриста. Цѣль его дѣятельности—„голая земля и на ней голый человѣкъ, голый, какъ мать родила. Ни штановъ на немъ, ни орденовъ, ни кармановъ у него — ничего“. Чьи это мысли, чьи это мечты, какъ не босячкія? И изъ-за трескучихъ фразъ Саввы смотритъ на насъ знакомая фигура не то ротмистра Аристида Кувалы (изъ „Бывшихъ людей“), не то пьянаго дебошира сапожника Григорія Орлова („Супруги Орловы“),—съ тою лишь разницею, что послѣдній все таки естественнѣе. Типъ Саввы не только не представляетъ собою чего-либо титаническаго, но наоборотъ, карикатуренъ, неестествененъ и совершенно неудаченъ. Не значитъ ли это, что авторъ взялся доказывать то, чего нельзя доказать?

Такимъ образомъ, помимо воли нашего автора, побѣда въ его піесѣ оказывается на сторонѣ вѣры и любви, а не невѣрія и ненависти, на сторонѣ Липы, а не Саввы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Книжностью и искусственностью отдають и эти слова Липы.

Памяти наставника нашего и отца (бывшаго ректора Московской духовной семинаріи), протоіерея Николая Васильевича Благоразумова, настоятеля Московскаго придворнаго Верхо-Спасскаго собора и благочиннаго Московскихъ придворныхъ соборовъ и церквей.

Въ пятницу 21-го декабря минувшаго года, въ день памяти святителя Петра митрополита Московскаго, въ 9 часовъ вечера, на 72-мъ году отъ рожденія, въ домѣ Дворцоваго вѣдомства, на Zubовскомъ бульварѣ,—отъ остраго воспаленія почекъ, осложненнаго рядомъ другихъ болѣзней, скончался бывшій о. ректоръ Московской духовной семинаріи протоіерей Николай Васильевичъ Благоразумовъ—настоятель Московскаго придворнаго Верхо-Спасскаго собора и благочинный придворныхъ Московскихъ соборовъ и церквей... *Праведникъ, аще постигнетъ скончатиася въ покои будетъ.* Какъ нельзя болѣе оправдались эти слова Премудраго, въ концѣ почившаго протоіерея Николая Васильевича Благоразумова. Онъ скончался,—а лучше сказать, заснулъ спокойнымъ и безмятежнымъ сномъ вѣчности,—въ твердой памяти и совершенно свѣтломъ и ясномъ сознаніи, съ словами молитвы на устахъ, напутствуемый, въ день кончины, святѣйшими таинствами покаянія, причащенія и елеосвященія.—Давно уже злой недугъ подтачивалъ отъ природы не крѣпкое здоровье покойнаго Николая Васильевича. Тяжелое горе, постигшее его еще въ 1900 году — смерть нѣжно любимой супруги, глубоко потрясло его и еще болѣе разстроило его здоровье. Съ той поры онъ замѣтно терялъ силы и становился все слабѣе и слабѣе. Въ концѣ 1906 года, почившій о. протоіерей страдалъ мучительною болѣзней (ишіазъ), приковавшей его на нѣсколько недѣль къ постели и безвыходному сидѣнію дома. Лѣтомъ минувшаго года, по совѣту врачей, онъ помѣстился для излѣченія означенной болѣзни въ санаторіи „Сокольники“ д-ровъ Вермель и Н. Н. Соловьева и, по выходѣ оттуда, въ августъ и сентябрѣ чувствовалъ себя настолько здоровымъ, что 8-го сентября въ день праздника Рождества пресвятыя Богородицы, въ Кремлевской церкви „Рождества на сѣняхъ“ совершалъ послѣднюю литургію. Затѣмъ силы покойнаго стали постепенно угасать все быстрѣе и быстрѣе, къ болѣзни ноги (ишіазъ) присоединились болѣзни желудка, почекъ и горла и, находясь подъ постояннымъ наблюденіемъ врачей, съ конца сентября Николай Ва-

сильевичъ почти уже не покидалъ своей квартиры, хотя и пользовался кратковременными прогулками на воздухъ почти до самаго дня кончины. Соединенными же съ его должностію и званіемъ дѣлами, онъ самолично распоряжался до самаго дня смерти. И именно наканунѣ смерти прислалъ собственноручно написанную имъ вѣдомость распредѣленія пособій кліентамъ Московской-Сергіево-Братской комиссіи при собственно-ручномъ же письмѣ на имя секретаря комиссіи. Бодрый духомъ и всегда благодушно настроенный, покойный переносилъ съ рѣдкимъ мужествомъ удручавшіе его недуги, не показывая постороннимъ лицамъ ни малѣйшаго вида обнаруженія оныхъ. Онъ, какъ бы намѣренно храбрился на глазахъ лицъ, посѣщавшихъ его въ дни болѣзни. Еще за день до кончины онъ ходилъ по комнатамъ, и интересовался дѣлами. Только лишь въ самый день смерти, съ утра силы больного вдругъ ослабѣли и онъ ежечасно угасалъ на глазахъ окружавшихъ его родственниковъ и соборнаго духовенства. Не оставалось болѣе сомнѣнія въ томъ, что больной не переживетъ до утра слѣдующаго дня. И дѣйствительно,—по окончаніи таинства елеосвященія, простившись съ близкими и совершавшимъ таинство духовенствомъ, онъ тихо отошелъ къ Господу. Такъ не стало незабвеннаго, бывшаго о. ректора Московской духовной семинаріи, о. протоіерея Николая Васильевича Благоразумова, многочисленные ученики котораго, благословляя имя покойнаго, дѣйствуютъ и на каѳедрахъ отечественныхъ духовныхъ академій и на каѳедрахъ университетскихъ и семинарскихъ, а равно и на другихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ низшихъ и высшихъ свѣтскихъ служебныхъ поприщахъ. Наибольшее же количество, вышедшихъ изъ подъ воспитательнаго руководства покойнаго его питомцевъ, посвятили себя на служеніе святой церкви, занимая здѣсь архіепископскія и епископскія каѳедры (таковы преосвященные архіепископъ Никандръ Виленскій и епископъ Вологодскій Никонъ), составляя главнѣйшій контингентъ, какъ столичнаго Московскаго духовенства, начиная отъ высшаго въ бѣломъ духовенствѣ сана о. протоіереевъ Московскихъ церквей и кончая скромными должностями приходскихъ псаломщиковъ, такъ наконецъ равно подвизаясь на служеніи церкви Божіей въ многочисленныхъ селахъ и провинціальныхъ городахъ Московской и даже нѣкоторыхъ другихъ епархій...

Печальная вѣсть о кончинѣ покойнаго о. протоіерея стала извѣстна раннимъ утромъ на слѣдующій день 22-го декабря и

ко гробу почившаго стало стекаться многочисленное духовенство Москвы—бывшіе сослуживцы и ученики покойнаго. Въ виду предстоящихъ праздниковъ погребеніе тѣла покойнаго назначено было въ Воскресеніе 23-го декабря—канунъ Рождественскаго сочельника. Предъ гробомъ покойнаго безпрерывно совершались панихиды. Въ 4 часа дня въ субботу, наканунѣ погребенія, отслужена была панихида въ присутствіи корпораціи семинарскихъ наставниковъ и при участіи хора воспитанниковъ Московской духовной семинаріи. На гробъ почившаго отъ семинарской корпораціи былъ возложенъ роскошный металлическій вѣнокъ въ формѣ креста съ надписью на ономъ „незабвенному о. ректору и наставнику“.— Въ 8 часовъ того же дня панихида была отслужена старшимъ викаріемъ Московской митрополіи преосвященнымъ Трифономъ, епископомъ Дмитровскимъ, при участіи духовенства всѣхъ придворныхъ кремлевскихъ соборовъ и церквей, въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ великой княгини Елизаветы Θεодоровны и великой княжны Маріи Павловны, духовнымъ отцомъ которыхъ, какъ и въ Возѣ почившаго великаго князя Сергія Александровича, состоялъ покойный о. протоіерей, и въ присутствіи лицъ свиты ихъ высочествъ во главѣ съ генераломъ Степановымъ а также чиновъ дворцоваго управления, во главѣ съ завѣдующимъ онымъ генераломъ Одоевскимъ-Масловымъ. Отъ имени ея высочества великой княгини на гробъ почившаго былъ возложенъ роскошный вѣнокъ изъ живыхъ растений и цвѣтовъ. Были возложены также вѣнки и отъ другихъ дворцовыхъ учрежденій и лицъ дворцоваго вѣдомства. Выносъ тѣла почившаго изъ его квартиры въ приходскую Знаменскую, что въ Зубовѣ, церковь, происходить въ воскресенье 23 декабря. Къ 9 ч. утра означеннаго дня въ квартиру покойнаго собралось придворное духовенство, прибылъ преосвященный Анастасій епископъ Серпуховской и послѣ обычной краткой литіи гробъ съ останками покойнаго былъ поднятъ на рукахъ духовенства и поставленъ на печальный катафалкъ и затѣмъ открылось печальное шествіе во главѣ съ преосвященнымъ Анастасіемъ, который въ сослуженіи духовенства придворныхъ соборовъ и церквей—протоіереевъ Н. М. Иванцова, П. Г. Извъкова и другихъ, а также редактора журнала „Вѣра и церковь“ о. протоіерея Г. И. Соловьева—настоятеля церкви при Лицеѣ цесаревича Николая, приходскаго духовенства и многихъ другихъ священно-служителей, совершилъ божественную литургію. За литургіею присутствовали ректоръ Московской духовной

академіи преосвященный Евдокимъ епископъ Волоколамскій, а въ концѣ литургіи въ церковь изволилъ прибыть, только что возвратившійся изъ Петербурга и прямо съ вокзала Николаевской дороги, гдѣ, по прибытіи въ Москву, получена была имъ и самая печальная вѣсть о кончинѣ Николая Васильевича,—его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій Владиміръ. Начавшееся, по окончаніи литургіи, отпѣваніе совершено было Его Высокопреосвященствомъ и преосвященными епископами Евдокимомъ и Анастасіемъ, протопресвитеромъ большого Успенскаго собора В. С. Марковымъ, полнымъ составомъ придворнаго духовенства, мѣстнымъ благочиннымъ Е. И. Троицкимъ и многочисленнымъ сонмомъ столичнаго Московскаго духовенства. Умилительныя пѣснопѣнія чина священническаго погребенія, отчетливое громогласное чтеніе ихъ протоіереемъ Успенскаго собора Н. И. Шеничниковымъ, производили сильное, неизгладимое впечатлѣніе на душу молящихся почитателей памяти покойнаго, которыхъ не вмѣщала необширный приходскій храмъ и они, въ ожиданіи выноса тѣла почившаго, при 25⁰ морозѣ густымъ кольцомъ стояли подъ открытымъ небомъ въ оградѣ храма. За отпѣваніемъ присутствовалъ его императорское высочество великій князь Дмитрій Павловичъ съ лицами свиты и чинами дворцоваго управления. Предъ началомъ отпѣванія преподавателемъ семинаріи Н. И. Кедровымъ—ученикомъ и сослуживцемъ покойнаго, произнесена была надгробная рѣчь. Вторая рѣчь послѣ пѣнія „со святыми упокой“ была произнесена также бывшимъ ученикомъ и сослуживцемъ покойнаго священникомъ Николаевской, въ Драчахъ, церкви П. И. Добровымъ. И наконецъ третья, по окончаніи отпѣванія—редакторомъ журнала Вѣра и Церковь—протоіереемъ церкви при лицее цесаревича Николая I. И. Соловьевымъ. Обрядъ отпѣванія былъ оконченъ въ началѣ 3-го часа дня и печальная процессія въ сопровожденіи духовенства направилась въ началѣ къ занимаемой покойнымъ квартирѣ, предъ которою совершена была литія,—а затѣмъ на Ваганьковское кладбище, гдѣ, около пяти уже часовъ вечера, тѣло почившаго протоіерея Николая Васильевича Благоразумова было предано землѣ. Могилу его находится рядомъ съ могилою его супруги, въ лѣвой сторонѣ кладбища, за домами кладбищенскаго духовенства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ бесѣдъ пастыря съ прихожанами о страсти винопитія.

Въ бесѣдѣ съ вами сегодня мнѣ хотѣлось бы поговорить о пьянствѣ, о его пагубномъ вліяніи въ особенности на молодежь, на подрастающее поколѣніе. О немъ надо говорить такъ много, какъ много зла отъ него. И дѣйствительно о пьянствѣ такъ много говорилось и говорится, такъ много писалось и пишется, что невольно закрадывается сомнѣніе, могу ли я что либо сдѣлать своимъ слабымъ словомъ въ борьбѣ съ этимъ зломъ? Но... прочь все сомнѣнія. Бороться со зломъ, особенно съ такимъ, какъ пьянство, не только нашъ долгъ, но и святая обязанность каждаго христіанина. Пусть можетъ быть польза отъ моихъ словъ будетъ незначительна, но, если каждый изъ насъ принесетъ, хотя бы и незначительную пользу въ этомъ дѣлѣ, зло все-таки будетъ ослаблено. Зло же отъ этого порока въ количественномъ отношеніи велико уже по одному тому, что оно распространяется не только путемъ подражанія, какъ и всякій порокъ, но и путемъ наслѣдственности. И вотъ гибнуть сотни тысячъ людей, зараженныхъ этимъ порокомъ. Гибнуть, какъ граждане царства небеснаго, гибнуть, какъ граждане царства земнаго, гибнуть, какъ члены семьи.

Начну съ вліянія пьянства на семью—эту основу государства.

Чтобы почувствовать отвращеніе къ пороку, нужно видѣть его во всей наготѣ. Постараюсь и я нарисовать вамъ картину пьянства—картину, правда, многимъ знакомую, для многихъ тяжелую, но чѣмъ чаще эта картина будетъ рисоваться намъ, тѣмъ отвратительнѣе будетъ казаться этотъ порокъ. Если бы пьяница, во время опьяненія, могъ сознавать все свое безобразіе въ этомъ состояніи, онъ можетъ быть пришелъ бы въ ужасъ, но въ томъ то и бѣда, что этотъ ужасъ испытываютъ только окружающіе его, а не самъ онъ. Помраченное сознание его рисуетъ ему все въ другомъ свѣтѣ и только для окружающихъ его онъ видѣнъ во всей своей неприглядности. Взойдите вы въ семью, въ которой глава ея предается пьянству, и, если вы не застанете его дома, вы все-таки почувствуете, что въ этой семьѣ не совѣмъ благополучно. Все здѣсь говорить о нуждѣ, все здѣсь говорить о горѣ, о горѣ несчастномъ, а купленномъ за деньги, купленномъ для того, что бы доставить кажущееся удовольствіе одному члену семьи въ ущербъ благополучію остальныхъ. Все для меня и ничего для семьи—

такого, повидимому, правила держится пьяница. Не только имущество идет на удовлетворение страсти къ вину, но и здоровье его и всей его семьи. Если сложить вмѣстѣ все имущество, которое пропивается на Руси, то образуются тѣ милліоны, которыми свободно можно было бы прокормить всѣхъ голодающихъ, если бы даже голодъ повторился, къ несчастію, въ большемъ даже размѣрѣ, чѣмъ въ прошломъ году. Такимъ образомъ общими усилиями алкоголиковъ пропивается кусокъ хлѣба голодающаго. Не даромъ одинъ изъ членовъ Государственной Думы съ такимъ жаромъ возсталъ противъ пьянства, считая его однимъ изъ главныхъ источниковъ всѣхъ золъ на Руси. О, если бы голосъ этого члена думы разнесся бы эхомъ по всей матушкѣ Россіи, проникъ бы въ сердца пьяницъ, пробудилъ бы ихъ совѣсть—вздыхнула бы тогда Русь матушка, вздохнула бы легко, свободно, проснувшись отъ тяжелаго пьянаго кошмара. Но въ томъ то и горе, что у пьяницъ и сердце то не то, даже съ медицинской точки зрѣнія, какое должно быть у нормальнаго человѣка. А про совѣсть и говорить нечего: глубоко она утоплена въ винѣ пьяницею и трудно ей оттуда вынырнуть. Если она не просыпается при видѣ горя самыхъ близкихъ людей—жены и дѣтей, то врядъ ли ей проснуться отъ голоса людей благоразумныхъ. Вотъ почему мы должны употребить все свое вліяніе на удержаніе молодежи отъ вина еще тогда, когда этотъ ядъ не успѣлъ отравить ее. Впрочемъ я нѣсколько уклонился отъ намѣченной цѣли. Я хотѣлъ показать порокъ пьянства во всей его виѣшней, такъ сказать, неприглядности. Но что же дѣлать?.. Разъ заговорилъ о пьянствѣ, невольно приходится на умъ вся сумма вреда, причиняемаго имъ, и не знаешь, на чемъ прежде всего остановиться: на матеріальномъ ли вредѣ отъ него или на нравственномъ, на вредѣ ли его семьѣ, государству или его личности? Впрочемъ о личности пьяницы тяжело и говорить... Что это за сознательная личность, половина жизни которой проходитъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ? Трудно на это отвѣтить. Развѣ только тѣмъ, что человѣкъ произноситъ членораздѣльные звуки, а животное нѣтъ. Но что это за членораздѣльные звуки, въ которыхъ нѣтъ смысла?.. Идетъ пьяный пошатываясь, идетъ безъ всякой цѣли, какъ животное, инстинктивно зная только, что въ такомъ то направленіи находится его домъ. Идетъ,—своими безсвязными словами, своими жестами возбуждая смѣхъ всѣхъ встрѣчныхъ. Картина давно всѣмъ знакомая, но картина тяжелая. Вдумайтесь хорошенько въ то, что несетъ этотъ пьяный

въ семью и врядь ли у васъ явится желаніе смѣяться надъ нимъ. А, если будете смѣяться, то помните, что вы будете смѣяться тѣмъ слезамъ жены и ни въ чемъ неповинныхъ малютокъ дѣтей, которыя несеть имъ пьяный. Ждутъ они отцовской ласки, получаютъ непристойную ругань; ждутъ они хлѣба, получаютъ побои. Христосъ нѣкогда сказалъ: есть ли между вами человѣкъ, который, если сынъ его попроситъ хлѣба, подастъ ему камень, или, если попроситъ рыбы, подастъ ему змѣю? Есть—это пьяница, который даетъ и камень, вмѣсто хлѣба и змѣю, вмѣсто рыбы, ту лютую змѣю, которая гложетъ не только дѣтей его, но и все его потомство, оставляя ему въ наслѣдство: алкоголизмъ, сумасшествіе, эпилептическіе припадки и другія разстройства организма. Если это все пьяница передаетъ въ наслѣдство потомству, то что же представляетъ изъ себя его собственный организмъ? Достаточно сказать, что, по одному только біенію сердца, доктора могутъ узнавать, что извѣстный человѣкъ пьетъ вино или нѣтъ: такія большія измѣненія происходятъ въ немъ. А вѣдь это главный жизненный нашъ органъ. А желудокъ, а почки, а другіе наши органы, которые подвергаются непосредственному вліянію вина... Про нихъ и говорить нечего, да и самъ пьяница врядь ли не онѣмѣлъ бы отъ ужаса, если бы имѣлъ возможность видѣть всѣ эти органы у себя. Человѣческой организмъ та же машина, которая можетъ вынести только извѣстное количество работы и при извѣстныхъ условіяхъ. Заставьте вы машину работать скорѣе или положите въ какую либо движущуюся часть машины какой либо посторонній предметъ, неправда ли вѣдь она износится скорѣе? Точно такъ же и организмъ человѣка носится скорѣе, когда мы заставляемъ, напримѣръ, сердце при посредствѣ вина работать усиленнѣе, когда имъ обжигаемъ желудокъ, а у почекъ и печени, такъ же какъ постороннимъ предметомъ въ машинѣ, отнимаемъ способность правильно работать. Не есть ли самоубійство—это сознательное сокращеніе своей жизни при посредствѣ медленнаго яда вина или алкоголя. Если для нѣкоторыхъ (я разумѣю невѣрующихъ) можетъ быть и сомнительнымъ вопросъ о нашемъ правѣ на свою жизнь, то для насъ христіанъ не можетъ быть никакого сомнѣнія о тяжести грѣха самоубійства, такъ какъ мы знаемъ, что только Богъ можетъ распорядиться нашею жизнію, которая всецѣло принадлежитъ Ему Одному, давшему намъ ее. Если относительно права на свою жизнь можетъ у нѣкоторыхъ людей быть сомнѣніе, то во всякомъ случаѣ не можетъ быть двухъ мнѣній

относительно права нашего на жизнь ближняго, но пьяница посягаетъ и на это право, давая жизнь потомству, заранѣе обреченному имъ на гибель путемъ наследственной передачи ему различныхъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Такимъ образомъ онъ, давши жизнь своимъ дѣтямъ, отнимаетъ у нихъ возможность зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ, какой можетъ быть работникъ человѣкъ, страдающій припадками, человѣкъ, страдающій алкоголизмомъ, сумасшествіемъ и другими болѣзнями? Не убійца ли своего потомства пьяница? Да, убійца, хотя и безсознательный, но жестокой, давшій жизнь потомству и уже въ зародышѣ ее отнимающій, лишивши его средствъ для борьбы за существованіе. Что же это, какъ не камень вмѣсто хлѣба и змѣя вмѣсто рыбы? Не правда ли кажется неестественнымъ, ненормальнымъ, что такой человѣкъ, какъ будто не любитъ своихъ собственныхъ дѣтей? Но что же можно ждать отъ человѣка, который полжизни находился подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, а не своего разсудка? И вотъ такой то членъ семьи состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ государства, членомъ той многолюдной семьи, взаимныя отношенія которой гораздо сложнѣе, чѣмъ въ семьѣ. Что можетъ ждать отъ такого человѣка государство? Оно нуждается въ сильныхъ и разумныхъ работникахъ, а получаетъ въ данномъ случаѣ больныхъ и душою и тѣломъ гражданъ, готовыхъ ежеминутно сдѣлаться инвалидами и стать бременемъ для общества. Въ такой обширной семьѣ, какъ государство, опасность отъ негодности отдѣльныхъ гражданъ какъ будто не очень велика: всегда найдутся люди, готовые и могущіе послужить отечеству, но въ томъ то и бѣда, что намъ такъ кажется, на самомъ же дѣлѣ ядъ медленно, но вѣрно проникаетъ въ государственный организмъ, давая все большее и большее количество вырождающихся, больныхъ и, что еще хуже, преступныхъ гражданъ. Нужно ли говорить о связи преступности съ алкоголизмомъ? Объ этомъ слишкомъ много говорится и пишется, очевидцами этого можетъ быть многіе изъ васъ и были. Достаточно развернуть газету, что бы найти подтвержденіе сказанному чуть ли не въ каждомъ номерѣ. *Не упивайтесь виномъ въ немъ же есть блудъ*, говоритъ Священное Писаніе, ставя одинъ изъ тяжчайшихъ грѣховъ въ зависимость отъ винопитія. Но, однако, не одинъ этотъ грѣхъ можетъ быть поставленъ въ связь съ виномъ: безконечная вереница ихъ идетъ вслѣдъ за виномъ и человѣкъ, глотая алкоголь, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы глотаешь и ядъ преступности. Достаточно сдѣлать одинъ неосторожный шагъ что

бы упасть въ яму и этотъ неосторожный шагъ нами дѣлается, когда мы въ первый разъ прикасаемся къ вину, подѣ влияніемъ котораго одурманенный нашъ разсудокъ не видитъ ни края ямы, ни ея глубины. А яма эта глубока; много она принимаетъ народа въ себя, но мало выпускаетъ и не видать имъ свѣта Божія изъ ея глубины. Вотъ почему сказано, что *пьяницы Царствія Божія не наслаждаются*. Такъ гибнуть люди и для неба, котораго не видать имъ изъ глубины ихъ паденія.

Тяжело... Охъ какъ тяжело... Но что же дѣлать? Неужели слѣдуетъ опускать руки... Станетъ ли отъ этого легче: вѣдь надо намъ продолжать свой трудный жизненный путь... Чтобы вы сдѣлали, когда на вашемъ пути лежалъ бы камень, который вамъ нельзя было бы обойти и не подсилу поднять его? Не позвали ли бы вы кого либо на помощь и общими усилиями не сдвинули бы его съ мѣста? Не слѣдуетъ ли и намъ, призвавши Бога на помощь, общими силами сдвинуть этотъ тяжелый камень—пьянство—искони лежавшій на пути матушки Россіи въ дѣлѣ ея нравственнаго усовершенствованія? Дѣло трудное, дѣло неспорное, но нельзя сказать безнадежное, если мы все будемъ относиться внимательнѣе къ себѣ и къ дѣтямъ въ дѣлѣ ихъ воспитанія.

Нужно ли дѣлать выводъ изъ всего вышесказаннаго? Думаемъ нѣтъ: онъ самъ собою напрашивается, его подсказываетъ намъ безотрадная жизнь алкоголиковъ и, въ особенности, ихъ семей, его должна намъ подсказывать и наша любовь къ потомству, которая даже у животныхъ развита настолько, что онѣ готовы жертвовать своею жизнію для него. Неужели же мы не пожертвуемъ нашими удовольствіями на благо нашихъ дѣтей? Да и удовольствіе ли это пить вино для того, чтобы находиться въ безсознательномъ состояніи до того, что не видать красотъ всего Божьяго міра, наслаждаться которыми, видѣть въ нихъ Творца міра и славить Его мы и призваны Богомъ?

Отцы и матери, если вы пьете вино, оставьте его; если вы видите дѣтей своихъ пьющими, остановите ихъ, указывая имъ ту пропасть, на краю которой онѣ стоятъ. Призывъ къ этому вы слышите съ неба въ словахъ Священнаго Писанія, съ церковной кафедры въ проповѣдяхъ священниковъ, съ думской кафедры въ рѣчахъ депутатовъ, наконецъ во внушеніяхъ самой природы, которая подсказываетъ вамъ любить своихъ дѣтей и не дѣлать имъ зла алкоголемъ. Неужели вы не послушаетесь всѣхъ этихъ призывовъ?..

Села Вепнякова священникъ *Іоаннъ Василевскій*.

Открытое письмо въ редакцію журнала „Странникъ“.

Въ послѣдней декабрьской книгѣ журнала помѣщена статья профессора Бронзова въ защиту добраго направленія „Странника“. „Журналь, около полустолѣтія доставлявшій читающей публикѣ здоровую религіозно-нравственную пищу“, говоритъ почтенный профессоръ, „вдругъ будто бы является распространителемъ столь зловредныхъ писаній, каковы Ренановскія“. Профессоръ Бронзовъ исполнѣ опровергаетъ такое обвиненіе и разъясняетъ, что въ „Странникѣ“ печатается не „Жизнь Иисуса“ Ренана, а строгій ея разборъ компетентнымъ православнымъ богословомъ. Состоя подписчикомъ журнала „Странникъ“, я тоже искалъ въ немъ здоровую религіозно-нравственную пищу и, признаюсь, глубоко смущенъ другою статьею, появившеюся въ мартовской книгѣ этого журнала, смущенъ настолько, что не рѣшаюсь вновь подписаться на этотъ журналъ, если со стороны редакціи не послѣдуетъ удовлетворительнаго разъясненія, по поводу напечатаннаго въ ней произведенія. Въ данномъ случаѣ, хотя я глубоко уважаю и богословскую науку, но, какъ простецъ въ вѣрѣ, думаю, что другаго Евангелія о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ измышлять намъ, христіанамъ, не приходится, а испытывать лишь и разумѣть благодатныя писанія Галилейскихъ рыбаей. Между тѣмъ не является-ли попыткой новаго Евангелія о смерти Господа нашего Иисуса Христа, переведенная съ новогреческаго статья „Три дня“ (*Κ. Τεσσαρὰ τὸ Ἰημερον*), которую читаемъ въ мартовской книжкѣ журнала „Странникъ“? Вотъ тѣ дерзновенныя и произвольныя мысли о смерти Господа, которыя встрѣчаются здѣсь. „Наконецъ тѣло было наскоро положено въ гробъ, высѣченный изъ камня: кровь частью омертвѣла и охладѣла, а частью *продолжала жить замедленною жизнью*“ (!).

„И вотъ теперъ, взирая на совершенное дѣло Свое, взвѣсивъ подвигъ, которымъ подвизался, и страданія, которыя претерпѣлъ, *испыталъ ли Онъ въ тишинѣ гробницы нѣкоторую скорбь* о преждевременной кончинѣ Своей и добровольномъ отреченіи отъ всѣхъ благъ? Непреклонное сознаніе Своего возвышеннаго призванія *не поколебалось ли во мракъ могилы?* Иерусалимъ праздновалъ, а *послѣднія капли крови, которыя еще жили слабой, почти угасающей жизнью въ головѣ Погребеннаго, придавали мыслямъ Христа во гробѣ*

отпечатокъ безстрастія и незлобія (!) У лицъ, умирающихъ естественно, отъ болѣзней, большая часть кровяныхъ шариковъ обмираетъ еще до послѣдняго мгновенія, и разумъ часто угасаетъ еще до кончины, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что у погибающихъ насильственнымъ образомъ, мысль продолжаетъ работать до тѣхъ поръ, пока остаются живы и невредимы кровяные шарики въ мозгу, т. е. до начала тлѣнія. Въ физиологіи доказано, что часть кровяныхъ тѣлецъ живетъ послѣ кончины человѣка втеченіе нѣкотораго, болѣе или менѣе короткаго времени. Пока, вообще, мозгъ не поврежденъ, онъ можетъ работать и послѣ смерти. Чувство, тѣснѣе связанное со всѣмъ организмомъ, прекращается, вѣроятно, очень быстро; но мышленіе и память не имѣютъ ничего общаго съ чувствами. *Поэтому Христосъ мыслить и во гробѣ до самаго момента воскресенія.* Онъ думалъ—и думы Божіи озаряли тихимъ свѣтомъ гробницу, вырубленную въ скалѣ. *До ея порога былъ совершеннѣйшій Человѣкъ* среди непрерывной борьбы съ людьми, съ невѣріемъ своихъ сродниковъ и соотечественниковъ съ непонятливостью учениковъ, съ завистью священниковъ и законниковъ, съ легкомысленнымъ любопытствомъ толпы къ чудесамъ и съ лишениями Своей личной жизни. *Отъ гроба начинается Богъ, Чистѣйшая Мысль, тотъ Духъ, Котораго міръ гонить въ своемъ невѣдѣніи и тупости, но предъ Которымъ склоняется затѣмъ съ раскаяніемъ.* *Христосъ размышляетъ о томъ, что и чрезъ 1900 лѣтъ послѣ Него* властители вселенной мало будутъ отличаться отъ Тиберія и Пилата, первосвященники міра будутъ полнымъ подобіемъ Анны и Каиафы, а народы—болѣе слѣпы, чѣмъ чернь Иерусалима... и т. д.

Что это?—Согласны ли всѣ эти измышленія съ предметомъ нашей вѣры и данными святаго Евангелія? Замедленная жизнь, которою живутъ капли крови Христа во гробѣ, скорбь и сознаніе во мракѣ могилы и слова: „Христосъ мыслить и во гробѣ до самаго момента Воскресенія“,—не отрицается ли всѣмъ этимъ дѣйствительность смерти Господа и не ослабляется ли этимъ истина Его Воскресенія? Далѣе, если мыслямъ Христа во гробѣ придавали отпечатокъ *безстрастія и незлобія* послѣднія капли крови, которыя еще жили слабою, почти угасающею жизнью, то значить ранѣе мысли Христа не были безстрастны и незлобивы? Наконецъ, если Христосъ до порога гробницы былъ совершеннѣйшій *Человѣкъ*, а *отъ гроба* начинается Богъ, то гдѣ же тутъ вѣра въ Сына Божія Единороднаго, *сшедшаго съ небесъ и вопло-*

тившагося?—Пусть на все это дастъ отвѣтъ *духовный журналъ* „Странникъ“.

Священникъ *Николай Арсеньевъ*.

26 декабря 1907 г.

Лѣтопись епархіальной жизни.

Торжественныя богослуженія. Въ 12 ч. ночи на 1-е января совершены были во всѣхъ храмахъ столицы торжественныя новолѣтнія молебствія, привлекшія вездѣ огромныя массы молящихся. Въ Успенскомъ соборѣ молебеніе совершалъ высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, митрополитъ Московскій въ сослуженіи Анастасія, епископа Серпуховскаго и многочисленнаго высшаго духовенства столицы. О. прот. Восторговъ произнесъ слово. Въ Храмѣ Христа Спасителя молебеніе совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій. 1 января, въ день Новаго года, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ владыка митрополитъ Владиміръ. По окончаніи литургіи владыка митрополитъ произнесъ глубоко-прочувствованную проповѣдь.

Молебеніе съ чтеніемъ молитвъ и колѣнопреклоненіемъ совершали: владыка митрополитъ, епископы Петръ, Трифонъ и Іоаннъ и многочисленное духовенство.

Молебеніе закончилось провозглашеніемъ о. протодіакономъ Розовымъ многолѣтій. Въ Храмѣ Христа Спасителя литургію и молебеніе совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской.

Въ полковыхъ храмахъ были совершены молебствія, а затѣмъ состоялись церковныя парады.

Городъ былъ убранъ флагами.

Палестинскій вечеръ. 4 января, въ Москвѣ въ Епархіальномъ домѣ состоялся Палестинскій вечеръ. Вечеръ посѣтили высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, и преосвященные: Серафимъ, епископъ Орловскій и Сѣвскій, Трифонъ, епископъ Дмитровскій, и Анастасій, епископъ Серпуховскій. Протоіерей І. І. Восторговъ выступилъ съ интереснымъ чтеніемъ о Рождествѣ Христовомъ, которое было иллюстрировано превосходными свѣтовыми картинами Св. Земли. Чтеніе сопровождалось духовнымъ пѣніемъ.

Торжественныя богослуженія. 5 января, наканунѣ праздника Богоявленія, въ кафедральномъ Христа Спасителя соборѣ, послѣ „великой“ вечерни освященіе воды совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Вечеромъ въ тотъ же день, за всенощнымъ бдѣніемъ владыка митрополитъ въ кафедральномъ соборѣ выходилъ на литію и величаніе, а во время чтенія канона помазывалъ, переполнявшихъ соборъ богомольцевъ, освященнымъ елеемъ.

Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ великое освященіе воды совершалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій.

Преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, по случаю храмоваго праздника, великое освященіе воды и всенощное бдѣніе 5 января совершалъ въ соборной церкви Богоявленскаго монастыря, гдѣ онъ настоятельствуетъ. Стеченіе молящихся было большое.

Крестный ходъ на Москву-рѣку. 6 января, въ день Богоявленія, былъ совершенъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора на Москву рѣку, для водоосвященія. Теплая погода благопріятствовала торжеству, привлекушему въ Кремль и на Москворѣцкія набережныя многотысячныя толпы народа. Отъ южныхъ дверей собора по пути шествія, были выставлены войска съ хорами музыки и знаменами.

Литургію въ Успенскомъ соборѣ совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, въ сослуженіи съ преосвященными: Никономъ Вологодскимъ, Серафимомъ Орловскимъ, Митрофаномъ Пензенскимъ и Серафимомъ Можайскимъ и другимъ духовенствомъ. Настоятель Златоуста монастыря архимандритъ Алипій произнесъ назидательное слово.

При богослуженіи присутствовали высшіе военные и гражданскіе чины и много молящихся.

Послѣ литургіи, при торжественномъ звонѣ Кремлевскихъ колоколовъ, крестный ходъ выступилъ изъ собора на Иорданъ чрезъ Тайницкія ворота. Во главѣ духовенства слѣдовалъ высокопреосвященный Владиміръ; изъ преосвященныхъ шествовали епископы: Серафимъ Орловскій, Серафимъ Можайскій и Анастасій Серпуховской. Съ крестнымъ ходомъ къ Иордани были отнесены и знамена. На Иордани при громадномъ стеченіи народа, занявшаго обѣ набережныя и мосты, было совершено митрополитомъ водоосвященіе и окропленіе знаменъ св. водой. При погруженіи св. креста въ воду была произведена салютационная пальба 101 выстрѣломъ изъ орудій.

Въ первомъ часу дня, при звонѣ колоколовъ, крестный ходъ обратно возвратился въ Кремль и народъ вереницами сталъ расходиться въ разныя стороны Москвы.

Содержаніе: Соціаль-демократія и нравственность. — Религіозные вопросы и темы въ произведенияхъ Леонида Андреева. — Памяти наставника нашего и отца (бывшаго ректора Московской духовной семинаріи), протоіерея Николая Васильевича Благоразумова, настоятеля Московскаго придворнаго Верхо-Спасскаго собора и благочиннаго Московскихъ придворныхъ соборовъ и церквей. — Изъ бесѣды пастыря съ прихожанами о страсти винопитія. — Открытое письмо въ редакцію журнала „Странникъ“. — Лѣтопись епархіальной жизни. — Резолюціи Митрополита Филарета. (Продолженіе).

При семь № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 2. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

12 января.

№. 2.

1908 года.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Синодальному Члену Преосвященному Владиміру, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Святотроицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандриту.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: три представленія Вашего Преосвященства, отъ 20, 21 и 28 января сего года за № 35, 36 и 47, по поводу нестроений въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія. *Приказали:* Ваше Преосвященство въ представленіяхъ Святѣйшему Синоду, отъ 20, 21 и 28 января сего года, донесите, что къ Вамъ, съ различныхъ сторонъ, поступили заявленія и жалобы на происходящія въ настоящее время нестроения въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Возможность такихъ нестроений объясняется, главнымъ образомъ, крайнею неполнотою и неопредѣленностью правилъ лежащаго въ основаніи Общества и составленнаго еще въ 1858 г. „Положенія“, которымъ, однако, и понынѣ, при совершенно измѣнившихся условіяхъ жизни, руководится Общество въ своей дѣятельности. Въ виду сего Ваше Преосвященство, представляя новый, доставленный Вамъ бывшимъ ранѣ Совѣтомъ Общества, подробно разработанный проектъ Устава Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ г. Москвѣ, ходатайствуете объ утвержденіи сего Устава, взаменъ нынѣ дѣйствующаго „Положенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабочиваясь изысканіемъ мѣръ къ улучшенію и оживленію издаваемого Московскимъ Обществомъ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, еженедѣльнаго журнала „Московскія Церковныя Бѣдомости“, въ официальной своей части являющагося органомъ епархіальной власти и существующаго на епархіальныя средства, Ваше Преосвященство ходатайствуете о разрѣшеніи изъять это изданіе изъ вѣдѣнія Общества и передать завѣдываніе имъ особой Редакціонной Коммиссіи, причемъ представляете и видоизмѣненную, сообразно потребностямъ времени, новую программу сего изданія. Обсудивъ изложенное ходатайство Вашего Преосвященства и принимая во вниманіе: 1) что „Положеніе объ образованіи Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“, лежащее въ основаніи дѣятельности сего Общества, получило въ 22 день іюня 1863 г. Высочайшее утвержденіе

и 2) что п. IX означеннаго Положенія Обществу, когда оно устроится и войдетъ въ дѣлю опытно, предоставлено составить для себя обстоятельный уставъ, Святѣйшій Синодъ, въ уваженіе приведенныхъ въ представленіяхъ Вашего Преосвященства соображеній и въ видахъ установленія въ дѣятельности Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія большей опредѣленности и порядка, опредѣляетъ: представленный Вашимъ Преосвященствомъ пятый проектъ Устава Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія ввести въ дѣйствіе, впредь до испрошенія Высочайшаго соизволенія на утвержденіе сего Устава, въ видѣ опыта, временно, съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями въ семь проектъ, согласно ходатайству о томъ Вашего Преосвященства: а) въ пар. 4 предъ словомъ „Попечительствомъ“ внести слово „Архипастырскомъ“, б) примѣчаніе къ пар. 15 пополнить слѣдующими словами: „и утверждаются въ избранныхъ должностяхъ Преосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ“, в) въ соотвѣтствіе этого изложить параграфъ объ утвержденіи должностныхъ лицъ поименованныхъ въ 35 пар. того же устава и г) слова: „Попечителя Общества“ въ 27 пар. замѣнить, словами „Преосвященнаго Митрополита Московскаго“, съ тѣмъ, чтобы засимъ Уставъ этотъ, по мѣрѣ полезности и соотвѣтствія его для дѣятельности Общества, могъ быть вновь, по указаніямъ опыта, переработанъ и представленъ въ надлежащемъ порядкѣ, для испрошенія на его утвержденіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія. Марта 23 дня 1906 года, № 3549.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковныхъ школъ Московской епархіи въ 1906 – 1907 учебномъ году.

I.

Школы грамоты.—Успѣхи учащихся по предметамъ школьнаго курса.—Школьная дисциплина.—Заботы объ улучшеніи состава учащихся (курсы и проч.).

Школы грамоты по уѣздамъ Московской епархіи числилось 69, сравнительно съ прошлымъ годомъ число ихъ увеличилось на 2—было 67. Приростъ, конечно, ничтожный, но тѣмъ не менѣе утѣшительный, если принять во вниманіе общее несочувствіе къ этому типу школъ и скудные средства тѣхъ крестьянскихъ обществъ, которыя по преимуществу открываютъ и содержать школы грамоты. Обыкновенно школы грамоты разбросаны у насъ по глухимъ уголкамъ епархіи, далеко отъ населенныхъ пунктовъ и даже отъ сельскаго храма, помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, иногда въ убогой крестьянской избѣ, безъ квартиры для учителя, обстав-

лены школьными принадлежностями и того плеше, завѣдующіе священники не только не озабочены благосостояніемъ сихъ школъ, но не рѣдко совсѣмъ не посѣщаютъ ихъ. Понятно, при такихъ условіяхъ на значительный ростъ и развитіе школъ грамоты надѣяться трудно. Но, какъ говорится не красна изба углами, а красна пирогами. Въ учебно-воспитательномъ отношеніи дѣло по этимъ школамъ обстоитъ весьма удовлетворительно. За исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ, трехъ школъ, вездѣ учебныя занятія организованы по типу школъ одноклассныхъ и даже, прилагая требованія сихъ послѣднихъ, успѣхи по предметамъ учебнаго курса нужно признать вполнѣ достаточными. 43 школы грамоты представили своихъ учениковъ къ выпускнымъ экзаменамъ по программѣ школъ одноклассныхъ. Экзаменные отвѣты учениковъ въ общемъ нѣсколько не отличались отъ учениковъ школъ одноклассныхъ, только выпускныхъ учениковъ въ школахъ грамоты обыкновенно не много: два, три на школу, что и естественно, такъ какъ школы грамоты въ большинствѣ случаевъ немногочисленны. Въ 26 школахъ выпускныхъ учениковъ не было; объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторыя школы только недавно открыты, и не могли приготовить учениковъ къ выпуску, и во вторыхъ, тѣмъ, что во многихъ школахъ выпусковъ и не бываетъ: ибо ученики со II отдѣленія переходятъ въ сосѣднія школы одноклассныя, гдѣ и оканчиваютъ курсъ.

Своими успѣхами по учебно-воспитательной части школы грамоты всецѣло обязаны своимъ учителямъ и учительницамъ, которые несутъ обязанности не одного учителя, но и законоучителя. Преобладающій контингентъ учителей составляютъ окончившіе курсъ второклассныхъ школъ. О ихъ усердіи къ дѣлу, трудолюбіи, учительской подготовкѣ и другихъ полезныхъ качествахъ о.о. уѣздные наблюдатели отзывались и отзываются съ самой хорошей стороны. Нѣкоторыя школы грамоты, благодаря старанію сихъ учителей оказываются лучшими даже въ ряду школъ одноклассныхъ. Напримѣръ Наугольная и Ивановская школы Дмитровскаго уѣзда, Крюковская Звенигородскаго, пять школъ Гуслицкаго округа, Лыковская Коломенскаго уѣзда, Петровская Рузскаго уѣзда, три школы Можайскаго и др.

Въ частности по предметамъ школьнаго курса можно сказать слѣдующее:

Законъ Божій. Преподавали этотъ предметъ почти во всѣхъ школахъ сами учителя. Вслѣдствіе этого въ результатахъ обученія обнаружили тѣ же неизбѣжныя особенности, на которыя указано было и прежде: нѣкоторая неувѣренность въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ, слѣпая подлѣ часть приверженность учебнику, неполная назидательность и жизненность преподаванія и т. п. Отмѣчая этого рода недостатки, уѣздные Наблюдатели объясняютъ ихъ не сочувствіемъ къ этому типу школъ со стороны ихъ завѣдующихъ, которые не выражаютъ охоты ни руководить преподаваніемъ Закона Божія, ни вообще заботиться объ успѣхахъ,

въ школахъ грамоты. На это также обращено было вниманіе въ отчетѣ прошлаго года и приглашались Уѣздныя Отдѣленія къ благотѣльному содѣйствію въ этомъ направленіи, но оказывается, что и на сей разъ приходится повторять тоже самое. Съ другихъ сторонъ обученія Закону Божію не представляется сказать ничего особеннаго, все шло обычно и благопріятно.

Церковное пѣніе. Успѣхи по этому предмету остались почти въ прежнемъ видѣ: приблизительно въ 10 школахъ пѣніе преподавалось въ полномъ объемѣ и ученики пѣли за богослуженіемъ въ храмѣ. Въ школахъ 40 двѣ обучены были съ голоса только общеупотребительнымъ молитвамъ. Въ остальныхъ 20 школахъ, преимущественно въ школахъ Гуслицкаго округа, пѣніе не преподавалось вовсе. Главной причиной не полныхъ успѣховъ по сему предмету является неспособность самихъ учителей къ преподаванію пѣнія,—обстоятельство, съ которымъ приходится считаться и по школамъ однокласснымъ.

Русскій языкъ и чистописаніе. По этимъ предметамъ дѣло велось въ достаточномъ объемѣ и вполне удовлетворительно. Изъ 43 школъ, представившихъ учениковъ къ выпускному экзамену по программѣ одноклассныхъ школъ, ученики 22 школъ подверглись испытанію въ письменномъ изложеніи мыслей, остальные писали диктантъ. Работы по изложенію были признаны достаточно удовлетворительными, такъ что можно заключить, что и въ школахъ грамоты обращено вниманіе на пріученіе учениковъ къ письменному изложенію мыслей. На самое письмо нѣкоторые наблюдатели жалуются, отмѣчая, напримѣръ, то обстоятельство, что на экзаменѣ ученики, не могли писать безъ линеекъ и письмо было некрасивое. Это, конечно, упущеніе, на которое учителямъ слѣдуетъ обратить вниманіе на будущее время.

Церковно-славянская грамота и ариѳметика. По первому предмету ничего особеннаго не замѣчено. По ариѳметикѣ отмѣчены слѣдующіе пробѣлы: слабое знакомство съ дробями, квадратными мѣрами и кубическими, незнаніе метрической системы. Вообще относительно разнаго рода недочетовъ по программѣ школъ одноклассныхъ нужно замѣтить слѣдующее: экзаменаціонныя Комиссіи, производя выпускныя испытанія ученикамъ школъ грамоты вмѣстѣ съ учениками школъ одноклассныхъ, склонны бывать первыми оказывать нѣкоторое снисхожденіе и обнаруживающіяся при ихъ отвѣтахъ упущенія не ставятъ въ вину на томъ, именно, основаніи, что это ученики школъ грамоты. Пользуясь такимъ послабленіемъ и желая прослыть учителями высшаго достоинства, учителя школъ грамоты нерѣдко торопятся представлять своихъ учениковъ къ экзамену, не подготовивши ихъ со всѣхъ сторонъ. Конечно, было бы жестоко карать учениковъ и лишать ихъ искомаго свидѣтельства за вину учителей, но послѣднимъ всѣ недочеты должны быть поставлены на видъ и непременно занесены въ экзаменныя протоколы для общаго назиданія. Можно предло-

жить Уѣзднымъ Отдѣленіямъ обратить свое вниманіе на эту сторону дѣла.

Школьная дисциплина. Въ этомъ отношеніи по школамъ грамоты все шло нормально. Никакихъ чрезвычайныхъ, заслуживающихъ вниманія, уклоненій или нарушеній дисциплины Уѣздными Наблюдателями не отмѣчено. Установленный строй школьной жизни соблюдался въ должной исправности. Учебныя занятія начались и велись своевременно, опоздали началомъ только три вновь открываемыя школы. Поведеніе учащихся было благонравное, посѣщеніе храма исправное, долгъ Св. Причастія и Исповѣди быть исполненъ со всемъ стараніемъ. Словомъ, все было благопріятно и обычно.

Учительскихъ съѣздовъ и курсовъ не было, да и другихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію состава учащихся, не принималось.

Поднятый было въ прошломъ году вопросъ объ увеличеніи жалованья учителямъ школъ грамоты не получилъ утѣшительнаго рѣшенія, приходился довольствоваться прежнимъ и ожидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОСПИСАНІЕ

для произнесенія проповѣдей въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и въ Кафедральномъ Чудовѣ монастырѣ въ 1908-мъ году.

Январь.

1. Въ день новаго года и праздникъ Обрѣзанія Господня. — Настоятелю Спасо-Андроніева монастыря архимандриту Сильверету Сергіевской въ Рогожской, церкви протоіерею Іоанну Орфанитскому.

6. Въ день богоявленія Господня. Архимандриту Злат. монастыря Алицію. Трифоновской, въ Напрудной слободѣ ц. свящ. Николаю Мошкову.

7. Въ день Собора св. Іоанна Предтечи. Духосошестввенской на Пречистенскомъ бульварѣ, ц. свящ. Василию Голубеву. Космодамианской, на Покровкѣ, ц. свящ. Михаилу Пятикрестовскому.

9. Въ день св. чт. Филиппа Митрополита Московскаго. Николо-Москворѣцкой церкви протоіерею Петру Смирнову. Неопалимовской, близъ Дѣвичья поля, ц. свящ. Іоанну Троицкому.

13. Въ недѣлю 31 по просвѣщеніи. Покровской, въ Левшинѣ ц. протоіерею Іоанну Розанову. Софійской, на набережной, ц. свящ. Александру Боголѣпову.

20. Въ недѣлю 32. Иоакиманской, на Якиманкѣ, ц. свящ. Александру Крылову. Спасской, въ Спасскомѣ, ц. свящ. Николаю Заозерскому.

27. Въ недѣлю 33. Мароновской, въ Старыхъ Панѣхъ, ц. свящ. Сергію Лаврентьеву. Николаевской, въ Драчахъ, ц. Алексію Покровскому.

30. Въ день собора Трехъ Святителей: Панкратьевской, у Сухаревой башни, ц. свящ. Митрофану Стрѣльцову. Благовѣщенской, на Бережкахъ, ц. свящ. Георгію Скворцову.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В Ъ Д О М О С Т Ъ

денежныхъ средствъ, поступившихъ въ Московскій Епархіальный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ.

(Продолженіе. См. № 52).

№		Руб.	К.
1454.	Чрезъ благочиннаго, Бронницкаго уѣз. прот. В. Толгскаго отъ церквей.	38	32
1455.	Отъ Николаевской, въ Звонаряхъ, церкви.	4	36
1456.	Отъ Параскѣевской въ Охотномъ ряду, церкви.	3	49
1457.	Отъ Предтечевской въ Старой Колюшенной, церкви.	4	—
1458.	Отъ Успенской, на Могильцахъ, церкви.	19	62
1459.	Отъ Саввинской, на Саввинской ул., церкви.	7	25
1460.	Отъ Богоявленской, что на Елоховѣ, церкви.	25	67
1461.	Отъ Спасопесковской, на Арбатѣ, церкви.	17	60
1462.	Отъ Троицкой, на Шаболовкѣ, церкви.	13	—
1463.	Отъ церкви Архіпакона Стефана, при дворянской богадѣльнѣ Нечаева.	8	50
1464.	Отъ Троицкой, въ Большихъ Лужникахъ, церкви.	9	80
1465.	Отъ Московскаго Чудова монастыря.	3	62
1466.	Отъ Борисо-Глѣбской, у Арбатскихъ воротъ, церкви.	1	34
1467.	Отъ Николо-Покровской церкви.	30	33
1468.	Отъ церкви Воскресенія Словущаго, на Малой Бронной.	6	12
1469.	Отъ Иоанно-Воинской, на Калужской ул., церкви.	12	63
1470.	Воскресенской, въ Гончарахъ, церкви.	4	28
1471.	Николаевской, въ Дербенскомѣ, церкви.	7	—
1472.	Отъ Скорбященской, въ Яузской больницѣ, церкви.	3	14

(Продолженіе слѣдуетъ).

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъковъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.